ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

ДЕЙДРА МАККЛОСКИ

РИТОРИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Smolbny
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет свободных искусств и наук
Bard college

УДК 339.9
ББК 65.5
М15

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
СЕРИИ «НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»
Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ),
Анашвили В. В. (РАНХиГС), Болдырев И. А. (Университет
им. Гумбольдта, Берлин), Заманьи С. (Болонский университет),
Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердамского),
Кудрин А. Л. (СПбГУ), Макклоски Д. (Университет Иллинойса,
Чикаго), Мау В. А. (РАНХиГС), Нуреев Р. М. (НИУ ВШЭ),
Погребняк А. А. (СПбГУ), Расков Д. Е. (СПбГУ),
Широкорад Л. Д. (СПбГУ)

Макклоски, Д.
М15 Риторика экономической науки. Второе издание [Текст] / пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков.— М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.— 328 с. (Серия «Новое экономическое мышление»)

ISBN 978-5-93255-413-5
ISBN 978-5-7133-1496-5

Экономисты не могут оставаться в «башне из слоновой кости», т. е. в стороне от того, что происходит в философии, лингвистике и истории науки. Книга Макклоски стала настоящим прорывом, который свидетельствует о выходе экономической науки из самоизоляции.

Полностью переработанное второе издание посвящено поэтике экономической науки, основной акцент — это место метафоры и других риторических средств убеждения в экономическом империализме Беккера, экономико-правовых трактатах Коуза, экономической истории Фогеля, теории рациональных ожиданий Мута и, наконец, в математизации экономической науки.

УДК 339.9
ББК 65.5

© Издательство Института Гайдара, 2015

«Риторика экономической науки» под авторством Дейдры Н. Макклоски публикуется Издательством Института Гайдара по соглашению с University of Wisconsin Press. © 1998 by the Board of Regents of the University of Wisconsin System. All rights reserved.

ISBN 978-5-93255-413-5
ISBN 978-5-7133-1496-5

Содержание

Данила Расков. Пересекая границы:
гуманистический взгляд на экономическую науку · xiii

Фигура Макклоски · xiii; Что не так в экономической науке: опасные игры мальчишек в песочнице · xv; Какова риторика книги Макклоски? · xvii; Риторична ли сама экономика? · xix; Гуманистический аспект экономики: идеи, добродетели и этика · xxi; Литература · xxiv

Предисловие ко второму изданию · xxvi

Благодарности к первому изданию · xxxii

Exordium · 1

Глава 1. Как и зачем проводить риторический анализ экономического текста — это не философское, а риторическое толкование · 5

Старая добрая «риторика» очень даже подойдет · 7; Ученый обязан определить свой «этос» · 10; Точка зрения — это научный выбор · 13; Просто стиль — это непросто · 15; Стиль — это часто обращение к авторитету · 16; Экономисты — поэты · 17; …и романисты · 19; Не надо бояться деконструкции и прочих ужасов · 22; Письмо — перформативно · 24

Глава 2. Литературный характер экономической науки · 28

Наука использует методы литературы · 28; Доказательства Закона спроса по большей части литературны · 32; Лингвистика — подходящая модель для экономической науки · 40; Литературное мышление может усовершенствовать прикладную экономику · 43

Глава 3. Фигуры экономической речи · 49

Даже экономист-математик использует и должен использовать литературные приемы: случай Пола Самуэльсона · 49; Большинство приемов едва различимы · 53; Модели как недекоративные метафоры: пример Гэри Беккера · 55; На метафору в экономической теории опираются и математические, и нематематические рассуждения · 61; Экономической наукой управляют базовые тропы: Пример Роберта Солоу · 67

Глава 4. Риторика сциентизма: как убеждает Джон Мут · 72

Статья Мута плохо написана, но важна · 72; Ключевые идеи Мута можно изложить простым языком · 75; Мут в своей статье привычно апеллирует к научному методу · 80; На самом деле Мут обращается к ученому сообществу · 84; Явно выраженная аргументация сложна с риторической точки зрения · 87; Риторика Мута неотличима от риторики в других областях знания · 91

Глава 5. Создание новой аудитории в экономической истории: Роберт Фогель как ритор · 101

Текст был важен · 101; Это самая что ни на есть риторическая книга · 105; Риторика Фогеля активно задействует общие темы… · 108; …и темы, специфические для экономической науки · 112; Текст создал аудиторию · 114

Глава 6. Правовая риторика «Природы фирмы» Рональда Коуза · 119

Коуз решил проблему этоса обращением к аксиоме и доказательству · 119; Но Коуз защищал, а не доказывал · 122; Правовая риторика апеллирует к фактам · 125; И все же Коуз несомненно экономист · 128; Статья Коуза — о риторике в экономике · 129; Экономическая теория Коуза носит антимодернистский характер, она «готическая», постмодернистская в своей риторике · 133

Глава 7. Неисследованная риторика экономической квантификации · 137

Риторические стандарты нужны, например, для того, чтобы измерять интеграцию рынков · 137; Точно так же риторические стандарты нужны в лингвистике, чтобы оценивать сходство языков · 143; То есть речевые акты ученых — это разговоры, хорошие или плохие · 146; Дискуссия о паритете покупательной способности, например, риторически невнятна · 149

Глава 8. Риторика тестов на статистическую значимость · 153

Статистическая значимость разрушила эмпирическую работу в экономической науке · 153; Эконометрика путает статистическую и научную значимость · 158; Источник затруднений — риторическая история статистики · 163; При использовании статистической значимости многое может пойти не так · 170; И многое пошло не так · 175

Глава 9. Нищета экономического модернизма · 189

Математизация экономической науки была неплохой идеей · 189; Но философия потерялась в математике · 190; Модернизм — официальная методология экономической науки · 191; Модернизм — плохой метод: прежде всего, он устарел в философии · 200; А фальсификация не убеждает · 202; Точное предсказание в экономической науке невозможно · 204; Модернизм невозможен, и никто его не придерживается · 206

Глава 10. От методологии к риторике · 211

Любая методология, слишком связанная правилами, может быть оспорена · 211; Методология — это среднее административное звено · 216; Хорошая наука — это хороший разговор · 219; Риторика — лучший способ понять науку · 221; У других научных дисциплин тоже есть своя риторика · 222

Глава 11. Анти-антириторика · 227

Альтернатива модернизму — это не иррационализм · 227; Политические аргументы в пользу методологии слабы · 231; Нам хочется делать заявления, внушающие доверие, а «научные» они или нет — не важно · 237; Философские возражения против риторики неубедительны · 242; Антимодернизм — это хорошо · 247; Риторика полезна · 249

Глава 12. В связи с риторикой: перспективы экономической теории как научного знания · 252

Библиография · 260

Именной и предметный указатель · 283

Пересекая границы: гуманистический взгляд на экономическую науку

Фигура Макклоски

Макклоски — это личность, индивидуальность, мощная, смелая, честная, достаточно прямолинейная, радикальная, порой шокирующая. С определенного времени Макклоски не стремится искусственно разделить свою жизнь и творчество, индивидуальность часто берет верх над академической отстраненностью. «Как продолжать быть экономистом и оставаться человеком?» — основной вопрос Макклоски с 1990-х годов.

Макклоски многолик. Он стал известен как экономист-историк, приверженец чикагской школы. Первые его работы были посвящены приложению теории цен, промышленной революции, огораживаниям, торговле и мнимому упадку экономики Великобритании в девятнадцатом веке. Становлению как консервативного экономиста предшествовали искания, среди которых, по уже зрелому признанию, анархическая книга князя П. А. Кропоткина «Mutual Aid» произвела наибольшее впечатление на четырнадцатилетнего сына гарвардского профессора. Были увлечения социализмом, кейнсианством, но возобладал тот оптимистический подход 1970-х гг., который отличала вера в мощь экономической науки с ее новыми количественными возможностями. Позже Макклоски связывал этот подход с «модернизмом».

География академического пути Макклоски не столь разнообразна как интеллектуальные поиски. В Гарвардском университете он получил степень бакалавра (1964), а затем доктора экономики (Ph.D. in Economics, 1970). С 1968 по 1980 г. стал доцентом и получил постоянную позицию (tenure) в Чикагском университете. После полемики со Стиглером и Беккером переместился еще западнее

и с 1980 по 1999 г. работал профессором университета Айова, известного своими литературными традициями. В настоящее время Дейдра Макклоски является почетным профессором экономики, истории, коммуникации и языка в Иллинойском университете (Чикаго).

Книга «Риторика экономической науки» написана в момент серьезного поворота, который произошел в жизни ученого. Первое издание 1985 года подписано Дональдом Макклоски, второе, 1998 года, предлагаемое вниманию читателя, уже Дейдрой Макклоски.

Пересечение интеллектуальных границ — переход к радикальному пересмотру экономической науки, подключение к тому направлению, которое можно обозначить как философия экономики или экономическая методология, совпадает и с поиском новой индивидуальности, трансгрессией, эстетическим и культурно-медицинским вызовом природе вещей.

Достаточно редкий случай для экономистов — при жизни выходит автобиографическая книга о превращении с 1994 по 1997 г. 52-летнего Дональда в 55-летнюю тетушку Дейдру. Книга получила название «Переход: мемуары» (McCloskey, 1999). Пересечение границ не всегда имеет такой острый контур — каждый становится из ребенка взрослым, никто не родился бизнесменом, политиком или преступником. Пожалуй, данный случай ставит в тупик идентичности, возникает определенная неловкость — как назвать по имени. В книге Макклоски (1999) эта неловкость обыгрывается дополнительной литературной игрой. Кроме первого лица часто возникает повествование в третьем лице, и тут Макклоски становится многоликим: Дональд — экономист-историк из Чикаго, отец двух детей, тетушка Дейдра[1] (после 1997 г.), Ди — Дональд, который уже понял, что он Дейдра, Джейн — тайный романтический образ Дональда, появившийся, когда такой строй мыслей в американском обществе еще по большей части считался умопомешательством, еще живы были воспоминания о том, что такой недуг лечился принудительно электрошоком. Все эти персонажи попеременно действуют в книге. Странная история. Именно так характеризует Макклоски и свою книгу «Риторика экономической науки».

---

1. На староирландском *Deirdre* означает «странник».

Что не так в экономической науке: опасные игры мальчишек в песочнице

Предоставим слово автору книги. В апреле 2013 г. госпожа Макклоски посетила Санкт-Петербург и любезно пояснила свою точку зрения.

Вопрошающий: Что общего между экономической наукой и литературой?

Макклоски: Она (экономическая наука) литературна в том смысле, что любой человеческий аргумент заключается в фактах и логике, историях и метафорах. Факты, логика, истории, метафоры — я называю их риторической тетрадой (см. с. 27). Факты и истории — противоположные точки одной диагонали. Логика и метафора — крайние точки второй. Мы не способны мыслить, не сравнивая одну вещь с другой. В этом сравнении заключается метафора. И мы не способны мыслить, не думая о том, как вещи близки друг другу, как они выстраиваются в цепи, что делает истории. Истории — это вещи близкие друг другу. Они не сравниваются, они просто близки. Когда вы говорите о кривой спроса, вы сравниваете сферу математики, математические функции с рынком жилья в Санкт-Петербурге. Вы используете метафору. Когда вы говорите о деловом цикле, вы рассказываете историю. Вы говорите о цепи вещей близких друг другу, следующих друг за другом, являющихся последствиями друг друга. И мы не можем думать об экономике только с помощью математики и логики, не используя метафор и историй[2].

Книга «Риторика экономической науки» — это способ посмотреть на саму экономическую науку извне, побыть на время не экономистом, а литературным критиком, философом, социологом науки. В терминах автобиографии Макклоски — это интеллектуальное пересечение границ, временный переход в сопредельные дисциплины, интеллектуальное переодевание.

В чем трагичность положения современной экономической науки? По мнению Макклоски, отраженном в книге «Грехи экономистов — добродетели буржуазии» (1996), интеллектуальной трагедией стала излишняя механизация экономической науки, которая с 1940-х гг. проходила по трем условным линиям, за каждой из которых Макклоски симво-

---

2. Интервью с Д. Макклоски 27.04.2013 в Санкт-Петербурге записали В. Обухович и Д. Расков (здесь и далее).

лически обозначает трех Нобелевских лауреатов по экономике: Пола Самуэльсона, Лоуренса Клейна и Яна Тинбергена. Эти условные линии превратились в три основных греха современной экономической теории: придание излишнего веса статистической значимости (Клейн), отрыв знания от реальности в «экономике классной доски» (Самуэльсон) и вера в социальную инженерию (Тинберген) (McCloskey, 1996).

В наибольшей степени Макклоски прорабатывает вопрос о широком использовании статистической значимости у экономистов, которой часто подменяют экономическую значимость и умение ставить вопрос о значении того или иного показателя для жизни людей. В книге о риторике этому целиком посвящена глава 8. Развитие этих идей и более детальный разбор составил совместную книгу Макклоски и Зилиака (Ziliak & McCloskey, 2007). Основная идея — показать, что набор технических инструментов — статистическая значимость, нулевая гипотеза, ошибки регрессии — не могут дать ответа на человеческие вопросы и заменить собой вдумчивый анализ. По их оценкам, порядка 80% статей в 1980-е и каждые 9 из 10 статей в 1990-е гг., опубликованные в ведущем журнале экономистов *American Economic Review*, полагаются исключительно на статистические и эконометрические процедуры, забывая поставить вопрос об экономической значимости полученных результатов.

Макклоски, как и Коуз, привлекает внимание экономистов к тому, что учебники по экономике, как они сложились после Второй мировой войны, дают слишком абстрактное представление об экономике и часто скорее даже уводят от реально существующих проблем в красивые миры, в которых все проблемы могут быть решены чисто рыночными методами на аукционе. Этот грех Макклоски, вслед за Шумпетером, возводит к Рикардо. Данный недостаток экономической науки можно ассоциировать и с Самуэльсоном — автором одного из самых популярных учебников. Его положение сравнимо с Ноамом Хомским в лингвистике или Людвигом Витгенштейном в англосаксонской философии (McCloskey, 1996, p. 61–96). Отрыв от реальных проблем в преподавании экономических дисциплин с самого начала неправильно ориентирует молодых экономистов, которые впоследствии грешат исключительно абстрактными построениями и концентрируются на технической стороне изучаемых проблем.

Наконец, Макклоски считает утопичной возможность спроектировать общественную жизнь, подобно тому как

можно спроектировать мост или другие сооружения. Предсказать и проконтролировать экономические процессы крайне затруднительно. Предсказания цены на нефть или ставки процента могли бы делать самих экономистов фантастически богатыми, чего однако не происходит, поскольку социальная инженерия остается иллюзией и отдаленной утопией, попросту не работает. Кроме того, подобное проектирование нарушает человеческую свободу, поскольку навязывает определенные стандарты и потребности.

Каков же выход из данной ситуации? Если диагноз поставлен, то каково лечение? Фактически уже в 1996 г. Макклоски говорит о нормативных аспектах развития науки. Экономистам, по мысли автора, не хватает буржуазных добродетелей, которые позволяют исследовать материал, относясь с большей серьезностью к фактам, имея более скромные амбиции в отношении теорий и моделей и, наконец, ориентируясь на благоразумие в политике (McCloskey, 1996, p. 19).

Какова риторика книги Макклоски?

В лице Макклоски мы видим профессионала-экономиста, который переосмысляет ценности и цели научного знания, и в то же время широко образованного мыслителя, который стремится постичь классические вершины и последние достижения в области литературоведения и философии. Эта двойная позиция обеспечивает достоверность критики изнутри, создает неповторимый этос. Тем самым автор подчеркивает, что данная критика не является внешней и поверхностной, но строится на глубоком знании предмета. Симптоматично, что до 1980 г. Макклоски работает в Чикагском университете и последнюю лекцию посвящает риторике. Среди примеров очень часто фигурируют чикагские экономисты: Ричард Познер, Милтон Фридман, Рональд Коуз, Роберт Фогель или Гэри Беккер.

От читателя Макклоски также ждет одинаково внимательного отношения к аргументам Адама Смита и Блаженного Августина, Пола Самуэльсона и Аристотеля. В этом смысле имплицитный читатель весьма образован и разносторонен, не чужд любознательности и барочной риторики.

Повествование Макклоски почти всегда эмоционально, нарочито в своей яркости. В нем есть элемент самолюбования. У читателя создается ощущение, что автор пережил

переворот, пересек интеллектуальные границы и ему есть сказать что-то очень важное, без чего экономическая наука обречена оставаться пустой затеей.

Точка зрения Макклоски всегда носит оригинальный и немного шокирующий характер. Правда, как справедливо подметил экономист-методолог Ускали Мяки, за этой яркостью не всегда следует методологическая четкость. Так, Мяки находит у Макклоски по крайней мере пять разных определений риторики, каждое из которых ведет к принципиально разным аспектам изложения: риторика как разговор, риторика как аргументация, риторика как убеждение аудитории, риторика как использование аргументов в собственной правоте и, наконец, риторика как использование аргументов в убеждении аудитории благодаря честному обсуждению (Mäki, 1995, p. 148–149). Эта яркость часто сопровождается загадочной туманностью, когда воображение читателя призвано домыслить основные выводы.

Подобно Кейнсу, стиль Макклоски не всегда прозрачен. Порой туманный стиль дополняется также использованием немецких, французских, итальянских слов и терминов: «для немецкого *die klassische Wissenschaft* («классические науки») соответствием становится английское *humanities* (явно в более старом значении этого слова), а *die philologisch-historische Wissenschaften* («историко-филологические науки») как *arts* (в значении «гуманитарные науки», что в британской академической практике опять же противопоставляет их понятию *science*)» (Макклоски, 2015, с. 49).

Главный и непререкаемый авторитет Макклоски — Адам Смит. У него находится подтверждение многим новым идеям Макклоски. Смит обращал внимание на важность дара речи для способности к торговле и обмену, ценил симпатию и добродетели, но часто был неправильно истолкован. Среди других экономистов чаще всего Макклоски обращается, а иногда ниспровергает авторитет Пола Самуэльсона и Роберта Солоу. В качестве примеров фигурируют экономисты и юристы разных поколений чикагской школы: Ричард Познер, Рональд Коуз, Милтон Фридман, Гэри Беккер. Из экономистов, разделяющих взгляды на риторику экономической науки, особо выделяется давний друг из Голландии Арьо Кламер, который независимо пришел к тем же выводам относительно риторической природы экономической науки (см.: Кламер, 2015). Чаще всего Макклоски апеллирует к философии американского прагматизма Джона Дьюи и Ричарда Рорти. Среди литера-

турных критиков чаще отсылает к авторитету Кеннета Бёрка и Уэйна Бута. При этом Макклоски отсылает и к собственно литературным произведениям Уильяма Шекспира, Клайва Льюиса, Джейн Остен, Вирджинии Вулф, Джонатана Свифта и Льва Толстого. Таковы авторитеты Макклоски.

Подобно Джамбаттиста Вико, Макклоски признает творческую силу метафоры и других тропов в конституировании действительности (Henderson, 1994, p. 353–354). Тексты по экономике не обходятся без метафор. Хорошие метафоры постепенно приобретают новое значение, стираются и становятся спящими, а чаще мертвыми. Само современное употребление термина «экономика» по отношению к своему первоначальному значению («домострой») является метафорой. Рынок, производственная функция, равновесие — изначально метафоричны. Особенно завораживают Макклоски метафоры чикагской школы: преступник как бизнесмен, брак как контракт, дети как активы длительного пользования.

Метафора иногда переходит в иронию: современные экономисты уподобляются «мальчишкам, играющим в песочнице», а человека экономического Макклоски предлагает заменить на мадам Бовари: «*Тут определенно появляется шанс избавиться от условной фигуры homo œconomicus — человека экономического — и заменить его на кого-нибудь понатуральнее, вроде мадам Бовари*» (Макклоски, 2015, с. 44).

Риторична ли сама экономика?

Макклоски активно обращается к Кеннету Бёрку, упоминает Мартина Хайдеггера, Ролана Барта, практически не упоминает Вивиен Браун, вообще не упоминает Михаила Бахтина. В терминах Барта, Макклоски не сильно выходит за рамки критикуемого позитивизма — разновидность модернизма — в одном важном аспекте, а именно в отношении к авторству. Автор в книге Макклоски — это почти всегда демиург, который подобно Фогелю изобретает для себя аудиторию, как Беккер зашифровывает в правовые тексты экономические метафоры и умело убеждает юристов, или, наконец, как Коуз обращается к реальной экономике, к эмпирическому материалу и завоевывает сердце читателя британским юмором и готическим построением текстов.

Мало внимания Макклоски уделяет вопросу о том, что сама экономика риторична, не тексты об экономике, а сама

экономика. В контексте риторики Коуза, скорее автор, чем пишущий, отсылает к более объемному пониманию природы человека у Смита. Не только склонность к обмену, то, что часто упускают, способность рассуждать и дар речи являются едва ли не более важными свойствами человека для разделения труда у Смита. В этом смысле Макклоски придает особую роль риторическим способностям человека как фактору экономического развития наряду с технологиями или инвестициями. Трансакционные издержки, о которых пишет Коуз, свидетельствуют о важности способности людей разговаривать, убеждать друг друга. Многие профессии связаны исключительно с умением убеждать. Сам экономический успех Британии Макклоски связывает с тем, что там существовало пространство, где изобретатель мог уговорить инвестора или законодателя.

Экономика убеждения относится все-таки к экономической истории и отвечает на вопрос о том, какую роль играют убеждения в экономике. В данном же случае продолжается именно ответ на вопрос риторична ли экономика, иными словами, Макклоски больше говорит о риторике текстов об экономике, этот же цельный параграф призван показать, что сама экономика может быть рассмотрена как риторика и текст, оппозиция будет между текстом об экономике и экономике как тексте. Я бы все-таки предпочел прежнее более крупное деление, поскольку я отвечаю именно на этот вопрос—риторична ли сама экономика, т.е. действительность нас окружающая?

Вместе с тем несколько слов стоит сказать о том аспекте, который мало намечен у Макклоски, но который важен в контексте представления связи экономики и риторики. Дело в том, что полезно в этом риторическом контексте говорить и о самой экономике как об особом тексте. Это логичное следствие признания значения языка. Экономический дискурс вовлекает читателя в чтение этого текста. Язык этого текста фигуративен и открыт к множественному прочтению. Наука склонна канонизировать то или иное прочтение. В этом прочтении помогает метафора, которая связывает ту область, которая более известна читателю, с той, которая подлежит познанию. Логично, что существует множество разных конкурирующих прочтений этого текста. Вслед за Р. Бартом, В. Браун, блестящий интерпретатор Адама Смита, проблематизирует положение автора, который уже не так важен по сравнению с языком и текстом, существующими отдельной от автора жизнью. Пишущий или

скриптор, на что обращает внимание Барт, лишь сам отражает «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» (Барт, 1994).

Экономика как текст не может быть замкнута на один единственный текст, который ее исчерпывающе прочитывает. Логично, что в истории экономических учений и актуальных дебатах по экономической политике существует множество разных точек зрения, которые приковывают свое внимание к разным деталям или нюансам. В рамках одной теории не может быть отражена вся экономика. Такой подход в какой-то степени позволяет объяснить и примирить конкурирующие подходы, поскольку он показывает, что разница этих подходов происходит не из-за субъективного недопонимания, но из дискурсивной сложности самого предмета изучения. Эта сложность требует полифонического звучания, многоголосия, о которых писал М. Бахтин. Работа экономиста может сравниваться с работой медиевиста, который по некоторым остаткам реконструирует фрагменты целого, переводя с одного языка на другой. При этом границы правильности интерпретаций постоянно оспариваются и переопределяются. Такое положение дел требует выделения более понятной структуры, что достигается с помощью выделения на время определенных правил или образцов, которые на время канонизируются, то есть за ними закрепляется одноголосное прочтение (см. подробнее: Brown, 1994b).

Хотя проект критики «модернизма» не был радикализован переосмыслением экономики как риторики, данная перспектива нашла отражение в возвращении Макклоски, но уже на новом интеллектуальном уровне, к проблемам экономической истории и, в частности, к роли дара речи и таланта убеждения в промышленной революции и росте благосостояния Западной Европы.

Гуманистический аспект экономики: идеи, добродетели и этика

Тема убеждения и риторики стала связующим звеном между творчеством экономиста-историка, воспитанника старой чикагской школы, и нового этапа переосмысления экономической истории Западного мира у Макклоски XXI века.

В книге «Достоинство буржуа: почему экономическая наука не способна объяснить современный мир» (McCloskey, 2010) автор отстаивает достаточно смелую точку зрения, что ни реформация, ни растущие индивидуализм и рациональность, ни накопление капитала и инвестиции, ни эксплуатация, ни образование и наука, ни институциональные изменения и разделение труда обогатили современный мир и сделали возможным многократное увеличение благосостояния, но такие буржуазные добродетели, как уважение к частной собственности, свобода торговли и найма, благоразумный расчет. Фактически Макклоски возвращается к давнему спору, который отчасти оставили экономисты, углубившись в технические детали и обратившись к другим топикам, к спору о том, каково происхождение современного капитализма.

Основная аргументация держится на отрицании всех предшествующих концепций — Маркс, Вебер, институционалисты, приверженцы модели человеческого капитала, Хикс, Кузнец и многие другие были просто не правы. Они просмотрели буржуа и его ценности, его маленькие добродетели, которые позволили инновациям воплощаться в проверенные рынком товары и услуги.

Данная аргументация разворачивает в книге идеи статьи, впервые опубликованной в 1981 г., а затем с вариациями повторенной в работе 1994 г. (McCloskey 1994b). В центре внимания — факт того, что с 1780 г. по время написания статьи реальный доход на душу населения в Великобритании вырос в двенадцать раз. Фактор 12, который в книге 2010 г. стал уже фактором 16. Это движение по росту среднего благосостояния, приобретшее мировой характер, началось с Великобритании, а точнее даже с Шотландии, родины Смита и Юма. Макклоски по очереди не соглашается с аргументами в пользу промышленной структуры, изменений в производительности труда. Местами в наукообразной, местами в ироничной форме отметает такие причины роста, как внешняя торговля, транспорт, огораживания, специализация, наличие природных ресурсов, наука и образование, грамотность и культура, технологии и изобретения. Кульминация статьи — короткое заключение на одну страницу, из которого следует, что главным фактором 12 было убеждение (persuasion). Слово «убеждение» повторяется Макклоски не менее 7 раз на этой странице: открытая возможность убеждать и убеждаться управляет инновация-

ми и делает людей и страны богатыми. Наконец, Макклоски прибегает в авторитету Адама Смита, что повторяется в книге о риторике экономической науки (с. 130): «*Разделение труда представляет собой последствие склонности… к мене, торговле и обмену одного предмета на другой… [Не стану далее исследовать], является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы… или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи*» (Smith, 1776, p. 17)[3]. Человек говорящий, обладающий даром речи, помещается Макклоски в центр изучения. Причем постепенно этот человек превращается в буржуа, отстаивающего ценности свободы.

Книгу о буржуазных добродетелях Макклоски заканчивает предостережением ужасов социализма, национализма и экологического движения, когда человек оказывается либо винтиком военно-промышленного комплекса, либо романтическим охотником, живущим в гармонии с природой, но ждущим от цивилизации новых книг и прочных гвоздей. В будущее обращается призыв Макклоски построить такую науку истории и экономики, которая будет гуманистической, уважающей числа и слова, интерес и риторику, поведение и его смысл (McCloskey, 2010, p. 450). Гуманистический аспект заключается в возвращении интереса к идеям, добродетелям и этике.

Макклоски так разъясняет эти аспекты в интервью:

> Стандартной реакцией на этическую философию является: «Ну, что хорошо, а что плохо — это просто вопрос мнения. Я люблю шоколадное мороженое, вы любите ванильное — об этом бессмысленно спорить». Но я считаю, что это достаточно детский взгляд на этику. Я думаю, что в добродетелях, о которых я говорила, как в классических, так и в христианских, мы можем видеть контуры прекрасной человеческой жизни, человека, который использует все свои силы, который живет полной жизнью. И это не вопрос мнения…Человеческая жизнь без справедливости — не полноценная человеческая жизнь. Человек, который не взаимодействует с другими по справедливости — это не полноценный человек… Так что добродетели очень практичны… Благоразумие, умеренность, справедливость, отвага и любовь друг к другу, если бы существовали только они, у этих добродетелей не было бы смысла. Трансцендентное — это ответ на вопрос — …на английском

3. Ср.: McCloskey, 1994b, p. 270.

> он звучит как «So what?»... По-итальянски — «Allora?» И ответом на этот вопрос является трансцендентное. Это может быть местная футбольная команда... Разница между различными видами трансцендентного очень мала. Вы можете быть ортодоксальным верующим, можете верить в свою футбольную команду или в науку — это всё равно вера[4].

* * *

Почему стоит прочитать книгу Макклоски «Риторика экономической науки»? Книга уже стала классикой в экономической методологии, в философии экономической науки, без нее уже не представить развитие экономической мысли последних тридцати лет. Она полезна тем, что показывает новую перспективу в осмыслении того, как на самом деле устроена экономическая наука. Наконец, она увлекательно написана и содержит массу практических примеров и завораживающих сравнений и контекстов. Критика «модернизма» контрастирует с яркой фигурой автора, который провоцирует думать и объявляет войну риторической наивности.

Данила Расков

Литература

Барт, Р. (1994). Смерть автора // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М. С. 384–391.

Заостровцев, А. П. (2014). Экономист об истории: концепция Дейдры Макклоски // *Вопросы экономики*. № 12. С. 129–146.

Кламер, А. (2015). *Странная наука экономика: приглашение к разговору* / пер. О. Якименко, науч. ред. Д. Расков. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара.

Brown, V. (1994a). Metanarratives and Economic Discourse // *Scandinavian Journal of Economics*. No. 96. P. 83–93.

Brown, V. (1994b). The Economy as Text // *New Directions in Economic Methodology* / R. Backhouse (ed.). London: Routledge. P. 368–382.

Henderson, W. (1994). Metaphor and Economics // *New Directions in Economic methodology* / R. Backhouse R. (ed.). London: Routledge. P. 343–367.

Mäki, U. (1995). Diagnosing McCloskey // *Journal of Economic Literature*. Vol. XXXIII. September. P. 1300–1318.

McCloskey, D. N. (1990). *If Youare So Smart: The Narrative of Economic Expertise*. Chicago: Chicago University Press.

McCloskey, D. N. (1994a). *Knowledge and Persuasion in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.

---

4. См. сноску 2.

McCloskey, D. N. (1994b). 1780–1860: a survey // *The Economic History of Britain since 1700*. Vol. 1. 1700–1860 / Floud R. and McCloskey D. (Eds.), 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. P. 242–270.

McCloskey, D. N. (1996). *The Vices of Economists — The Virtues of the Bourgeoisie*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

McCloskey, D. N. (1999). *Crossing: a memoir*. Chicago & London: The University of Chicago Press.

McCloskey, D. N. (2010). *Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Ziliak, S. T., D. N. McCloskey (2007). *The Cult of Statistical Significance: How the Standard Error Costs us Jobs, Justice and Lives*. University of Michigan Press.

Предисловие ко второму изданию

Зачем я написала «Риторику экономической науки» в 1985 г.? Книга вышла странная. В начале 1980-х историк экономики вдруг решил узнать немного больше о философии, лингвистике, литературоведении, истории науки и о других разделах литературной культуры. Странное желание. После чего он ощутил потребность поделиться с остальными экономистами новостью о том, что культура экономистов, сама по себе, тоже во многом относится к сфере литературы. Странная мысль.

Где-то в конце 1970-х гг. я перестала быть убежденным позитивистом. В Чикагском университете, где я преподавала двенадцать лет с 1968 по 1980 г., экономисты исповедовали упрощенный вариант позитивизма. Теперь этот вариант вошел в «философский» инструментарий большинства экономистов. Сегодня можно услышать, как они повторяют философские идеи, которые казались свежими в 1968 г. (простачкам, вроде меня), когда слетали с уст Милтона Фридмана и Джорджа Стиглера, а в 1918 г. кое-какие неглупые ребята в Вене считали их революционными. Каждому поступившему на одну из аспирантских программ в первый же день учебы до сих пор вручают старое эссе Милтона, написанное в 1953 г. Однако реальный научный дискурс, то, о чем мои коллеги говорили на семинарах и за обедом в 1970-е гг., было просто блестяще. Чикагская школа экономики обладала самым мощным творческим потенциалом в мире, это странным образом контрастировало с упрощенной наукой, которую рекомендовала нам методология. Мне стало интересно. По этому поводу я поссорилась с Джорджем Стиглером и Гэри Беккером[1].

---

1. Отчасти из-за конфликта со Стиглером и Беккером Дональд Макклоски покинул Чикагский университет и переехал в университет Айовы, известный своими литературными традициями. — *Примеч. ред.*

Я заново погрузилась в философию науки (в аспирантуре я остановилась на подступах к Карлу Попперу). Еще важнее то, что году в 1980-м я наткнулась на историю и социологию науки, которая ставила под вопрос доминирующую философскую концепцию. Эти сумасшедшие радикалы утверждали, будто ученые — вовсе не те брутальные святые, какими их выставлял Поппер. Если внимательнее присмотреться к тому, что они делают и пишут, оказывается, что ученые, подобно всем остальным человеческим существам, поддаются убеждению.

Но самым важным и значительным стало для меня открытие литературоведения — литературной критики в ее особом, «риторическом», изводе — в Айове в 1980-е гг. Это теория о том, как слова способны убедить любого, даже ученого.

Можно рассматривать эту книгу как *философский* трактат. Но тогда есть риск упустить главное — как это и произошло со многими добросовестными читателями. В этом была виновата я сама. Организация материала никогда не была моей сильной стороной, и я плохо скомпоновала книгу. Особенно неудачно получилось начало. Многие решили, будто главная мысль книги заключена в открывающих ее сетованиях в отношении позитивизма и «модернизма» в более широком контексте. В конце концов, первые три главы первого издания были «философскими». По сути, это статья, опубликованая в 1983 г. в *Journal of Economic Literature*, где данная тема была впервые заявлена[2]. Если рассматривать статью 1983 г. как краткое изложение содержания книги, можно упустить самое главное.

А что же самое главное? Как я уже отмечала, экономика относится к сфере литературы. Моя книга была одной из первых попыток (не самой первой) практического анализа риторики науки. То есть, подобно Маурицио Финокьяро в его книге о Галилее (Finocchiaro, 1980) и, еще раньше, Томасу Куну и его учителю Людвику Флеку (Fleck, 1935), я рассматривала науку как искусство убеждения. Моя собственная экономическая наука была литературна, как физика (Feyerabend, 1975, 1978; Bazerman, 1981, 1983, 1984, 1988), математика (Lakatos, 1976; Steiner, 1975) или биология (Gould, 1977, 1981, 1984) — это было царство словесного воздействия,

---

2. См. перевод статьи 1983 г. «Риторика экономической науки» на русский язык — Макклоски, 2011. — *Примеч. ред.*

где все делалось благодаря спорам между людьми, а не безупречным Доказательствам.

Из-за неверной организации материала в книге эта главная мысль отошла на второй план. Многие читатели так и не продвинулись дальше третьей главы, и вполне резонно — сколько можно терпеть доморощенную философию? (Хотите еще — к вашим услугам моя третья книга на эту тему — «Знание и убеждение в экономической науке» [1994], 396 страниц философских ответов критикам и философское продолжение первых трех глав. Содержание этой книги — лишнее доказательство, что большинство критиков прочли мое произведение как философский труд).

Начинать «Риторику экономической науки» надо было с обращения к конкретным текстам по экономике. Следовало довести практическую риторику до высшей точки в процессе рассмотрения одного важного конкретного случая, который бы показал, что все это имеет некое научное продолжение — мои сетования в отношении «статистической значимости». (Поймите меня правильно, я жалуюсь не на саму *статистику*. Я была и остаюсь адептом количественных параметров. Да здравствует статистика! Настоящая наука — никто не спорит. Я выступаю против конкретного доминирующего метода. «На баррикады!» — призывает тетушка Дейдра, Марианна современной экономической науки[3]. Долой детские игры в песочнице под названием статистическая «значимость» и распределение Стьюдента!) И только *после этого* мне следовало показать широкую культурную значимость риторики в случае с экономикой, демонстрируя ее как случай «модернизма». Не надо было начинать с конца — с последнего, более обширного и философского рассуждения.

В новом издании я так и поступила. Я начинаю с того, что считаю самыми интересными и оригинальными ингредиентами своего блюда — то есть с внимательного вчитывания в экономические тексты. Я добавила вводную главу, которая переходит непосредственно к делу: «Как и зачем проводить риторический анализ экономического текста». Затем я провожу детальный риторический анализ знаменитой работы Рональда Коуза. Я переписала те фрагменты книги, где, как мне казалось, незначительное переформули-

---

3. Марианна — национальный символ свободной Франции с 1792 г., изображается как молодая женщина во фригийском колпаке. — *Примеч. ред.*

рование могло сделать сказанное более ясным. Я постаралась убрать скучные пассажи, написанные *другими*, добавила побольше ссылок и составила две дополнительные библиографии: одну по риторике экономики, в моем понимании, и вторую — в виде списка известных мне критических статей и обзоров, посвященных первому изданию.

Тем не менее, чтобы получить полную картину *моих нынешних убеждений,* я советую читателю познакомиться с остальными моими книгами: во-первых, с работой «Знание» (Knowledge) и более ранней «Если вы такие умные: нарратив экономической профессии» (If You're So Smart: The Narrative of Economic Expertise, 1990), а затем с четвертой «Пороки экономистов: добродетели буржуазии» (The Vices of Economists; The Virtues of the Bourgeoisie, 1997a). Приобретите все эти книги разом — будет отличный подарок на Рождество. Три книги, написанные до 1994 г. составляют трилогию (там же три штуки, на самом деле?), а работа 1997 г. представляет собой нечто вроде сатировской драмы в добавление к финалу. «Риторика», как мне видится сейчас,— это поэтика экономики с упором на метафору. Посмотрим, насколько вы с этим согласитесь. В книге «Если вы такие умные» я, более или менее сознательно, сосредоточилась на повествовательном характере экономической науки, представив ее в историях. В этой работе я объясняю, почему метафора и рассказ составляют для меня возможность мысли. Книга «Знание» стала, как я уже отметила, философским завершением трилогии, объясняя, каким образом все это вписывается или не вписывается в философские традиции. «Пороки» — попытка вывести мораль для будущего этой науки. Если говорить на нашем очаровательном экономическом жаргоне, в этой работе содержатся «политические рекомендации» по итогам первых трех книг.

Настоящее издание я снабдила кратким послесловием «В связи с риторикой: перспективы экономической теории как научного знания». Суть его состоит в том, что экономика как наука может оформиться через осознание литературного характера экономических текстов. Отказ такого признания делает сегодня нас, экономистов, до смешного ненаучными. Это феминистский аргумент: глуп тот человек, который признает лишь свою мужскую сторону. Мужчина не становится слабее, если становится полноценным человеческим существом. Так и экономист не станет более

уязвимым, выбравшись из песочницы, в которой продолжает играть с 1940-х гг.

Надеюсь, эффект, произведенный новым изданием «Риторики», будет отличаться от реакций на первое издание, которое смутило многих философски ориентированных экономистов. Они продолжали думать, будто сумели поймать меня в разнообразные философские ловушки, и раздражались, видя как я с равнодушным видом брожу между их медвежьих капканов. А мне было все равно, потому что книга не была, в первую очередь, философской. Она была риторической. Остальные читатели-экономисты или хотя бы те, кто прочел название книги, уловили саму мысль о том, что экономисты обсуждают и доказывают свои идеи — ничего особенно революционного, но знать это полезно. После выхода моей книги слово «риторика» стало чаще употребляться в экономическом дискурсе. (Признаю, мощность критерия невелика — на фоне возрождения классической риторики это слово стало чаще мелькать везде).

Хочется думать, что второе издание поможет экономистам и неэкономистам увидеть эту область человеческого знания такой, какая она есть, как часть более обширного диалога, который ведет человечество. Экономисты — это стихийные поэты и рассказчики, но сами они не знают об этом. Экономисты — это философы, не изучающие философию. Экономисты — это ученые, которые до сих пор не подозревают, что их наука превратилась в игру мальчишек в песочнице. Пора взяться за ум, мальчики (девочки уже сообразили, что что-то идет не так).

Благодарности к первому изданию

Предпосылкой для этой книги стал мой прощальный доклад перед участниками образовательной программы «Политика, экономика, риторика и право», когда я покидала Чикагский университет в 1979/1980 академическом году. Уэйн Бут попросил меня прочесть лекцию о риторике экономики, и я ответила: «Не вопрос. С радостью. А что это такое?» Перспектива публичного выступления перед такими учеными, как Бут, Айра Кацнельсон, Эдвард Леви, Филип Курланд и им подобными, чудесным образом заставила сконцентрироваться мой интеллект. (Казнь прошла по плану). Еще раньше я прочла «Против метода» Фейерабенда,— книга случайно попала мне в руки в книжном магазине и показалась созвучной теме. «Современная догма и риторика согласия» Уэйна Бута, а также прочитанный по его рекомендации труд Майкла Полани «Личное знание» подготовили меня к чикагской лекции, а чуть позже я ознакомилась с работой другого чикагского коллеги, Стивена Тулмина «Способы использования аргументации», также случайно попавшейся мне в книжном магазине. Да здравствуют книжные магазины!

В течение первого года работы в Айове я обсуждала эти вопросы с новыми коллегами и вместе с Аланом Нагелем затеяла коллоквиум по риторике. Начиная с 1980 г. участники коллоквиума собирались каждые две недели зимой и летом, чтобы обсуждать примеры аргументации и искусство спора. Тогда, в начале 1980-х гг., Нагель, а также Джеральд Брунс, Иван Фейлс, Брюс Гронбек, Пол Хернади, Джон Лайн, Майкл МакГи, Аллан Мегилл, Джей Семел и, прежде всего, Джон Нельсон преподали мне основы литературной теории, философии и речевой коммуникации. Коллоквиум постепенно расширял свои горизонты, сохраняя упор на том, что мы стали называть «риторикой

исследования». Это способ понять и, возможно, усовершенствовать диалог ученых, прислушиваясь к «риторике» работы по математике, праву или экономике. В 1984 г. коллоквиум вырос в конференцию, которую финансировали Национальный фонд развития гуманитарных наук, Совет по гуманитарным наукам штата Айова и Университет штата Айова. Результатом коллоквиума и конференции стала книга (Nelson, Megill, and McCloskey, 1987) и Проект по риторике исследования (Poroi) с изданием двух книжных серий — одной в Висконсине, а второй — в Чикагском университете.

Лето 1982 г. я провела в Институте перспективных исследований при Австралийском национальном университете, размышляя об этой самой «риторике экономики». Градус интеллектуального напряжения в группах, работавших в этом университете в области экономической истории, философии и истории идей, был очень высок, а мне повезло особенно — в течение месяца мне довелось поработать там одновременно с Ричардом Рорти. Беседы с ним и чтение его книги «Философия и зеркало природы» многое прояснили.

Впоследствии я долгие годы делилась своими мыслями с коллегами. Находясь в этой части света, в 1982 г. я выступила с докладами на семинарах в Австралийском национальном университете, университетах Аделаиды, Мельбурна, Монаша, Нового Южного Уэльса и Западной Австралии, а также в Окленде и Университете Виктории в Веллингтоне. Повсюду меня поражала теплота, с которой экономисты воспринимали мою критику их манеры говорить, но особенно воодушевил меня прием, оказанный моей работе в Университете Тасмании. Дома, в США, я представила несколько глав книги в качестве докладов на третьей конференции по аргументации Ассоциации речевой коммуникации в Альте, штат Юта (1983), на конференции, посвященной кодам, в Центре гуманитарных наук Бруклинского колледжа Нью-Йоркского университета (1983), на конференции по риторике экономики в Мидлбери-колледже (1984), на конференции, посвященной Кеннету Бёрку в Филадельфии (совместный проект Университета Темпл и Ассоциации речевой коммуникации, 1984) и на конвенции Американской экономической ассоциации в Далласе в 1984 г.

Фрагменты книги также прозвучали в виде докладов на семинарах во Всемирном банке, в Национальном научном фонде, заседаниях симпозиума по экономической истории района Вашингтон, семинаре по экономической